

Палачество и плачество

Страницы горькой истории легендарной Магнитки

26 СЕНТЯБРЯ исполняется 80 лет со дня рождения известного поэта и прозаика, нашего земляка Владилена Машковцева. Сегодня его нет с нами, но поэзия и проза писателя продолжают жить. Владимир Иванович, работая в редакции «История Магнитогорска», собрал большой краеведческий материал. Сегодня мы предлагаем читателям одну из самых горьких страниц из истории Магнитки – годах сталинских репрессий.

Наивный прокурор

Горотдел НКВД за 1937–38 годы провел огромную работу по разгрому врагов в Магнитогорске. Под руководством врагов Рындина, Ломинадзе, затем Хитарова созданы были многочисленные гневные вражды право-троцкистские гнезда.

При всех этих опасных условиях орган надзора, военный прокурор 85-й стрелковой дивизии, резиденция которого находилась в Челябинске, был в Магнитогорске всего лишь 2–3 раза и лишь по одному дню. Это парадия о надзоре, а не надзор. Гражданские же прокуроры по этим делам не вправе были иметь надзор за этими делами и поставлены в очень неудобное положение.

Во-первых, Конституция СССР право и обязанность санкционировать аресты возложила на прокурора, следовательно, арест есть серьезное и ответственное дело. За неправильный арест прокурор отвечает, как за нарушение Конституции. С этой точки зрения гражданский прокурор, давая санкцию, обязан был тщательно проверить основания к аресту. И, во-вторых, исходя из опасности преступления, обязан проследить: быстро ли и правильно ли расследуется это дело. Помочь органам НКВД раскрыть преступление, присутствовать на допросах, очных ставках и т. п. В общем, в этой работе «мы должны брать пример с вашей роли по делу Бухарина и других». В этом деле из обвинительного заключения видна организующая роль прокурора.

Магнитогорский прокурор Сорокин наивно верил в Конституцию, пытался доказать, что прокуратура должна контролировать деятельность НКВД. По святой простоте провинциальный прокурор не подумал, что Вышинский может показать его письмо Ежову и Ульриху, что его могут расстрелять, обвинив врагом народа. Этой опасности прокурор Сорокин не чувствовал. Он ведь был «честным», активным разоблачителем врагов народа. В письме Вышинскому от 16 марта 1938 года Сорокин похвально, что с его санкции арестовано «несколько сот» контрреволюционеров. Через двадцать дней, 3 апреля 1938 года, он снова рапортует с гордостью: «Сообщаю Вам, что горотделом РОВД вскрыта контрреволюционная по-

встанческая, шпионско-диверсионная организация, действующая в гор. Магнитогорске по заданию одного из иностранных государств. С моей санкции 1 и 2 апреля арестовано 240 человек, участников этой организации...». В апреле же была арестована «Польская организация войскова» и якобы «повстанческая троцкистская организация, состоявшая из командного состава НТК, возглавляемая Гейнеманом, завербованным секретарем горкома партии Хитаровым...». Был арестован почти весь партийный и комсомольский аппарат, большая группа доменщиков... Сорокин с беспокойством сообщал: «На 5 мая 1938 года в Магнитогорской тюрьме содержится 1900 человек вместо лимита в 400 человек. В камерах исключительная теснота» («Наряд», 32/с, стр. 34, 31, 32).

Любопытно, что многие осужденные по статье 58 из-за отсутствия мест в тюрьме проживали дома с подпиской о невыезде, ожидая ареста при отправке этап. В архиве сохранились документы, подтверждающие это: на Яловец Берту Эфраимовну – 1905 г. рождения из Гродно (Польша), Пацановскую Цилю Моисеевну – дело № 111/1962, Варшавскую Регину Берковну – дело № 111/1964, Бызык Екатерину Алексеевну – дело № 111/1971, Лихштейн Гольду Исааковну – дело № 111/1967 и многих других женщин с малолетними детьми. Но отправки в концлагеря они избегать не могли. Постановления на арест были весьма краткими, исходили не от суда, а от решения «троек», именуемых «Особым совещанием НКВД».

Огласим для примера одно из таких «постановлений», которые утвердил в июле 1938 года начальник Магнитогорского НКВД, капитан госбезопасности Придорогин: «Постановление 1938 года отдела горотдела НКВД – сержант госбезопасности Матафонов, рассмотрев следственное дело за № 111/1966 по обвинению Шустер Ривы Исааковны в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 12 УК РСФСР, проживающей: Магнитогорск, Соцгород, Карадырский проспект, дом № 1, кв. 51,

НАШЕЛ: Гр-ка Шустер Рива Исааковна привлечена к уголовной ответственности по ст. 58 п. 12 УК РСФСР и находится под подпиской о невыезде из гор. Магнитогорска. Согласно решению Особого совещания НКВД СССР от 24 июня 1938 года – Шустер Р. И. осуждена, а поэтому –

ПОСТАНОВИЛ: Гр-ку Шустер Риву Исааковну арестовать и с первым отходящим этапом направить к месту заключения – для отбытия срока наказания.

Пом. оперуполномоченного 3-го отделения – сержант госбезопасности Матафонов.

Нач. 3-го отделения – мл. лейтенант госбезопасности Бурдин» («Наряд», № 33/с, стр. 33.)

Иезуитские хитрости

Магнитогорский прокурор И. Сорокин выдал несколько тысяч ордеров на арест, хвастливо приписывая лично себе заслуги в разгроме «контрреволюционных организаций». На самом деле первостепенную роль, как, например, в истории с начальником обжимного цеха Ф. Голубицким, он играл крайне редко. Все обвинительные дела начинали и завершали работники НКВД: капитан Придорогин, старший лейтенант Пушков, младшие лейтенанты Назаров, Буслаев, Зарубин, Иванов, Рябинин, Степанов, Ижевский, Тишкин, сержанты Бурдин, Романов, Тимошенко, Двойников и др.

Некоторые из них были палачами-исполнителями, арестованные у таких

довольно быстро признавались, что являются шпионами, диверсантами. Другие следователи применяли иезуитские хитрости, покупая признания во вредительстве за продуктовые передачи от родных, свидания с близкими, игры в добрячков.

Одна старушка пришла как-то в нашу редакцию «История Магнитогорска» с просьбой: «Напишите, пожалуйста, что на моего мужа вел дело следователь добрый. Мужа, конечно, расстреляли. Но следователь тайно мне с ним дважды свидания устраивал, хлеб и сало ему, бедному, передавал... Утешал меня, даже дал как-то три рубля...»

Неистребима в народе и будет, наверное, вечно жить эта именно святая простота! О том, что некоторые работники НКВД умоляли своих подследственных «выдумать что-нибудь под статью 58», рассказывал и поэт Михаил Люгарин: «Мой следователь Двойников долго уговаривал меня: мол, давай вместе что-то выдумаем. Предположим, ты намеревался взорвать домну! Или – ты замыслил уничтожить правительство! Объявить себя главным вместо товарища Сталина!»

Два с лишним года провел Михаил Михайлович Люгарин только в магнитогорской тюрьме, отказываясь подписывать смехотворные обвинения. И приходилось работникам НКВД принимать решения «о продлении срока ведения следствия».

Ознакомясь с одним из таких документов, утвержденным 29 мая 1939 года начальником НКВД Придорогиным: «Постановление 1939 года, мая 29-го дня. Я – ст. следователь Магнитогорского горотдела НКВД – мл. лейтенант Бурдин, рассмотрев следственное дело № 17004 по обвинению Заболотного (Люгарина) Михаила Михайловича в преступлении, предусмотренном ст. 58 – 6, 10, 11 УК РСФСР,

НАШЕЛ: Обвиняемый Заболотный (Люгарин) М. М. – 1908 г. рождения, уроженец села Святодуховка Пресновского р-на Акмолинской области, русский, гражданин СССР, образование низшее, в партиях не состоял, с 1930 по 1935 год был членом ВЛКСМ.

До ареста работал литературным сотрудником магнитогорской газеты «Горняк». Арестован 8 октября 1937 года. Материалами следствия обвиняемый Заболотный (Люгарин) изобличается как участник контрреволюционной организации правых, действовавшей в г. Магнитогорске.

Следственное дело № 17004 1 февраля 1938 года было закончено и направлено на рассмотрение специальной коллегии Челябинского областного суда. 31 марта 1938 года дело слушалось в закрытом судебном заседании выездной сессии военного трибунала Уральского округа. Военным трибуналом вынесено определение о том, что по делу необходимо провести дополнительное расследование: передпросить свидетелей Ручьева-Кривошекова, устроить очные ставки. Назначить экспертную комиссию для определения антисоветского содержания стихов Заболотного (Люгарина). Допросить свидетелей, знающих Заболотного (Люгарина) по работе, а также и по быту. Приложить к делу показания обвиняемых Макарова и Велихова, данные ими на судебном заседании. Сделать запрос о социальном происхождении Заболотного (Люгарина).

Но принимая во внимание, что срок ведения следствия и содержания под стражей обвиняемого истек, а поэтому, руководствуясь ст. 116 УК РСФСР, ПОСТАНОВИЛ:

Возбудить ходатайство перед прокуратурой РСФСР о продлении срока ведения следствия и содержания под

стражей обвиняемого Заболотного (Люгарина) – на два месяца, т. е. до 19 июля 1939 года.

Ст. следователь МГО НКВД, мл. лейтенант госбезопасности – Буслаев.

Нач. следственного отдела, мл. лейтенант госбезопасности – Бурдин».

(«Наряд», № 33/с, стр. 142.)»

Нелепые обвинения

В конце концов, измученный допросами Михаил Люгарин подписал обвинение, даже не читая его, как и сидящий с ним в камере секретарь горкома комсомола Лев Рудницкий.

Люгарина отправили в концлагерь Ивделя на лесоповал. Борис Ручьев и другие члены литературного объединения в Магнитке в это время были уже на Колыме. Сокращалось постепенно и количество заключенных в ИТК, осужденных по 58-й статье – с 1936 по 1940 год их всех вывезли на Колыму и в другие районы Севера. Лагерь ИТК заполнился уголовниками с пятилетним сроком отсидки и ниже – около 20 тысяч. Но политические репрессии в Магнитке продолжались.

Тяжелой потерей для города был арест врачей, учителей, инженеров и многих других специалистов. Некоторые руководители не знали, вероятно, что они «разоблачены как враги народа», что на них уже заведены «дела» с показаниями свидетелей. Главный инженер треста «Магнитострой» Михаил Ефимович Гуревич навряд ли подозревал, что в магнитогорской прокуратуре он значился как «руководитель крупной контрреволюционной организации диверсантов». В Москве ордер на арест Гуревича не подписали. Отстоял его В. Э. Дымшиц, управляющий трестом «Магнитострой». Но все другие «диверсанты» из «организации», которой якобы руководил Гуревич, были репрессированы.

В ликвидации таких значительных личностей, как Я. С. Гугель, Р. М. Хитаров, И. Д. Кабаков, Ч. И. Ильдром, К. Д. Валериус, была логика: они знали истинную цену сталинской клике, были членами ЦК, участниками или высокими советскими, или XVII съезда партии, на котором Иосиф Виссарионович едва не потерял власть. Но разве был хоть какой-то смысл в уничтожении начальника обжимного цеха Ф. И. Голубицкого, рабочих, крестьян, женщин?

О женщинах надо поговорить осо-

бо. Например, «жен врагов народа», как правило, арестовывали. Но указаний на это из высших инстанций до середины 1939 года не поступало. И даже наоборот: в секретном архиве магнитогорской прокуратуры мы обнаружили документ, из которого следует, что жен «врагов народа» можно было и не арестовывать. Более того – делать это не рекомендовалось. 10 декабря 1938 года из прокуратуры СССР в Магнитогорск поступила «директива № 13 (043105–443105) 44902 К» за подписью заместителя начальника отдела по спецделам А. Глузмана:

«Секретно. Прокурору гор. Магнитогорска на № 36/с–50.

Если женщины (жены осужденных) действительно совершили какое-либо контрреволюционное преступление, надо дела расследовать в полном соответствии с УПК и направлять на рассмотрение в суд.

Если они арестованы только как жены осужденных и конкретных преступлений с их стороны следствием не установлено, надо дела прекращать, арестованных освободить, а находящимся на свободе вернуть паспорта» («Наряд», № 32/с, стр. 90.)

Никакого проку от этой директивы на местах не было. Напротив – следствия ужесточились, и жены арестованных стали чаще признаваться, что они являются шпионками. В лучшем случае, их выгоняли из квартир с конфискацией имущества вплоть до посуды, белья и полотенец. Женщин с детьми буквально выбрасывали на улицы. Многие из них погибали от нервных потрясений.

На профессиональном уровне местные органы безопасности и областные были примитивны, не раскрывали даже то, что раскрыть было легко, а для них – выигрышно. Например, предъявляя Борису Ручьеву нелепые обвинения, они «не докопались» до биографии отца поэта, не узнали, что Александр Иванович Кривошеков был начальником идеологического отдела в штабе А. И. Дутова. Не было у них времени для углубленных дознаний, исследований. Служили в ОГПУ-НКВД люди весьма тупые, ограниченные, малограмотные, безнравственные и циничные. А кадры туда поставляли комсомол и партия. Причем, лучших своих членов – с поучениями и наставлениями...»

ВЛАДИЛЕН МАШКОВЦЕВ

Не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего. Максим ГОРЬКИЙ